

Алла
КАСЕЦКАЯ

г. Вологда

СОБАКИ - ОНИ КАК ЛЮДИ, ТОЛЬКО ЛУЧШЕ

рассказ

Когда я была совсем ещё маленькая, даже не умела ходить, маме подарили щенка. Белого с рыжими пятнами, пушистого-препушистого, с маленькими острыми ушками и большими совершенно круглыми коричневыми глазами. Сказали, что зовут его Тобик. Но потом, когда я уже начала ходить, Тобик вдруг неожиданно стал Тобкой, потому что у него появились щенки. Четыре маленьких пятнистых комка. Тобка была красивая и умная и каждый год весной приносила ровнёшенько по четыре щеночка. Они у неё тоже были красота и умнота, потому их всегда

быстро разбирали, люди даже в очередь становились и уже в конце февраля-начале марта начинали маму спрашивать: «Надежда, что там Тобка твоя, не ошенилась ещё? Ты про меня не забудь: одного оставь».

Некоторые, правда, говорили, что наша Тобка злая, а она и не злая вовсе — она просто нас всегда защищала, потому как она собака и это её работа такая — защищать своих хозяев. Все знают, что собаки совсем как люди, только ещё лучше — добрее и справедливее.

Вот, к примеру, такая история случилась — оборвал Вовка Малахов клубнику у бабки Олексеевны. Сам не съел, мне принёс. Ох, и вкуснющая клубника! Самая крупная и сладкая во всей деревне! Бабка Олексеевна в прошлом году из города привезла её махонькими кустиками, сказала, сортовая, ягоды с кулак нарастут, и повертела перед нашими носами своим сморщенным тёмным кулачком. И не соврала — ягоды действительно повырастали размером с кулак, ну, может, не Олексеевны, но уж с мой так точно. А Вовка взял и ободрал все кустики подчистую. И мне принёс. И вот сижу я в нашем заулке, ягоды ем. Солнышко светит, бабочка какая-то рядом крутится, пёстрая, разноцветная, по улице бабка Олексеевна с криком бежит. Лето. Красотища. На крики Олексеевны из избы вышла моя бабушка Маша, мимоходом глянув на меня, поспешила к калитке. Вернулись бабушки уже вместе. Встали надо мной, молчат. А я как раз последнюю ягоду в рот сунула, руки в соке розовом о подол платья вытерла. Хорошо. Вкусно.

А бабушка Маша вдруг меня хватя за ухо, да больно так.

— Ты пошто у Олексеевны ягоды оборвала? Своих полно на грядках.

И ухо крутит, крутит. А я молчу, нельзя мне Вовку выдать, он потом вовсе ничего не принесёт больше. А скоро крыжовник поспеет у Шустовых. Тоже во всей деревне только у них такой — ягоды красные, гладкие да блестящие, без противной колючей щетинки, как наши, а главное, тоже сладкушие, запашистые. А потом яблоки в совхозном саду созреют. Нет, никак нельзя мне Вовку выдавать.

А Олексеевна рядом бабе Маше поддакивает да на меня жалуется:

— Да как чисто по грядкам-то прошлась, всё

споряду, со всем зеленцом, ни ягодочки не оставила.

Я молчу, почём мне знать, что там Вовка срывал? Мне он только самые спелые принёс. Решила, ладно, пострадаю — ягоды-то вкусные были, есть за что страдать.

Баба Маша всё так же за ухо заволокла меня в избу и водворила в уже обтопанный мной угол, за печку.

— Вот постой здесь и подумай о том, что чужое брать нехорошо!

С этими словами бабушка повернулась и вышла, оставив меня наедине с моими мыслями. А мысли сначала были гордые: какая я молодец, не выдала друга, хоть и ух как больно бабушка крутила ухо! До сих пор печёт как огнём.

Постепенно мысли становились всё менее и менее гордыми, а совсем даже наоборот. Думалось мне: вот стою я здесь в углу с большим красным ухом, лишённая гулянки и сладкого, и никто даже не догадывается, что я совсем и не вор и даже не предатель, и потому никто не пожалеет и не скажет мне: молодец! И с каждой минутой мне становилось всё печальнее и печальнее, и всё жальчее себя и жальчее. В носу зашипало, как от газировки, глазам стало горячо-горячо, дыхание перехватило, и я зарыдала. «И ладно! И буду здесь стоять всё лето. И гулять не пойду, хоть обзовитесь потом. До самой зимы буду стоять. И есть не пойду. Даже

самую распоследнюю крошечку хлеба у них не возьму. С голоду тут умру, а не возьму. Буду лежать бездыханная тут за печкой». Я улеглась на пол, свернувшись калачиком, и закрыла глаза, как будто и правда уже вся обессиленная от голода, в паре шагов от смерти. Вдруг я почувствовала на своём лице тёплое дыхание, шершавый собачий язык начал вылизывать мои солёные от слёз щёки. Тобка! Она почувствовала мою беду и пришла жалеть.

Маленький лохматый зверёк, ей было всё равно — плохая я или хорошая, справедливо наказана или нет; она понимала одно — её другу плохо и нужна помощь. Я притянула собаку к себе и начала, шмыгая носом, выщёптывать в её щекочущее пушистое ухо все свои обиды — большие и маленькие. А Тобка, поскуливая, всё лизала и лизала моё лицо, руки, пока я не уснула.

Так нас и нашла за печкой баба Маша. Кряхтя, она подняла меня на руки и понесла в кроватку. Она уже совсем не сердилась, потому как по дороге в магазин встретила Вовку Малахова и тот ей во всём признался. Пока бабушка укладывала меня, стараясь не разбудить, заботливо подтыкала одеялко, Тобка радостно вертелась у неё под ногами, счастливая тем, что уже никто ни на кого не сердится.

□

Алла Георгиевна КАСЕЦКАЯ

родилась в деревне Гончарка Вологодской области.

Поэт, прозаик.

Публиковалась в сборниках, в журналах «Вологодский Лад»,

«Двина», «Подъём», «Литера», «Ротонда».

Автор сборника стихов «Снег пахнет небом»

и книги рассказов для детей «Светлыки».

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

